

Джульет Джонсон

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД: НЕПРОСТЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С АМЕРИКАНСКИМ ДОЛЛАРОМ

«Покупая сто долларов, ты инвестируешь 2600 рублей в экономику США. Эти деньги идут на войну в Ираке; эти деньги идут на постройку ядерных подводных лодок. По различным оценкам, доллар стоит только 15–20 % от своего номинала. Секрет его стабильности — постоянное расширение долларовой зоны... это финансовая пирамида, которая держится лишь на вере простаков» (памфлет, распространявшийся в Москве движением «Наши» на митинге против доллара; Интерфакс, 2006).

Международные денежные отношения являются иерархическими по своей сути (Andrews, 2006; Kirshner, 1995). Безотносительно того, добровольно ли правительство и рыночные субъекты решают для осуществления своей экономической деятельности опереться на некую иностранную валюту, или же их принуждают к тому определенные обстоятельства, государство-эмитент этой валюты получает власть, а государство, эту валюту использующее, оказывается в зависимости по отношению к нему. Эта зависимость может проявляться как в интернационализации валюты, так и в валютном замещении (Cohen, 1998). Интернационализация валюты происходит тогда, когда государственные институты используют иностранную валюту в накоплении резервов или для установления фиксированного курса национальной валюты, а частные действующие субъекты употребляют ее при проведении международных деловых операций. Валютное замещение предполагает использование иностранной валюты в сбережениях, ценообразовании и деловых операциях внутри страны. Замещение может быть симметричным (евродолларовый рынок) или асимметричным (долларизация или евроизация).

На рубеже XXI века Россия вступила в уникальные отношения с долларом: она стала единственной страной мира, обладающей как национальной экономикой с высокой степенью долларизации, так и валютными (долларовыми) резервами, находящимися на международно значимом уровне. Простые россияне отреагировали на постсоветскую экономическую нестабиль-

ность тем, что за 1990-е годы накопили (наличными и на банковских счетах), по разным оценкам, от 40 до 80 миллиардов долларов (Oomes, 2003). В России на руках у населения находится больше наличных долларов, чем в любой другой стране мира, кроме самих США, больше чем в любом официально долларизованном латиноамериканском государстве. Позже взлет цен на нефть и газ привел к российскому экономическому буму и накоплению громадных резервов в иностранной валюте. На январь 2004 года эти валютные резервы (по меньшей мере 70% которых — в долларах США) составляли 73 миллиарда долларов (против 12 миллиардов в конце 1998 г.). К январю 2008 года российские резервы в иностранной валюте составляли 384 миллиардов (из них собственно в долларах — 140–160 миллиардов долларов)¹. В настоящее время Россия обладает третьими по величине золотовалютными запасами, уступая лишь Китаю и Японии. Более того, как первый в мире производитель газа и как одна из крупнейших не входящих в ОПЕК стран-производителей нефти, Россия играет важнейшую роль на рынках этих ресурсов, где цены устанавливаются в долларах и в долларах же заключаются сделки. Российское правительство, государственные структуры и наиболее рентабельные российские компании являются одной из главных опор международного долларового режима.

Всестороннее асимметричное валютное замещение, имевшее место в России 1990-х, создало экономическую зависимость от американской валюты и, соответственно, от самих США — ситуация очень необычная, если принять во внимание относительно незначительный торговый оборот между США и Россией, а также лишь недавний коллапс авторитарного социализма, носившего ярко выраженный антиамериканский характер. Однако когда Россия стала ключевым игроком в процессе поддержания международного статуса доллара — посредством накопления долларовых резервов и благодаря центральной роли на преимущественно долларовом рынке нефти и газа — баланс сил стал более сложным. При том что отношения между США и Россией оставались иерархическими (в силу многообразного и разностороннего использования России, опирающейся на доллар экономической мощью США), в них все более нарастала взаимозависимость — постольку, поскольку происходило относительное увеличение международного веса России как в сфере валютных резервов, так и в сфере природных ресурсов. Такие пересекающиеся, быстро смещающиеся пласты валютной зависимости и взаимозависимости, судя по всему, с неизбежностью привели к внутрироссийским политическим дебатам о слишком большом значении доллара для экономики России, каковые дебаты достигли пика в 2006 году.

Официальная российская антидолларовая кампания стартовала в апреле 2006 года. Начало ей положили два примечательных события: во-пер-

1. Центробанк России (ЦБР), www.cbr.ru, январь 2008. В целом, на 1 января 2008 г. международные резервы России составляли более \$476 млрд (включая золото и другие активы). ЦБР не сообщает точный объем отдельных валют в резервных фондах, только приблизительный процент. К концу 2007 года доллары США составляли менее чем 50% от валютных резервов России.

вых, министр финансов России Алексей Кудрин в своей речи в Вашингтоне поставил под сомнение международное главенство доллара; во-вторых, созданная Кремлем партия «Единая Россия» провела в Государственной думе закон о запрете упоминания доллара в публичных высказываниях и установления цен в долларах внутри страны. Вслед за этим последовали газетные статьи и публичные мероприятия в поддержку рубля и против доллара. Например, в октябре 2006 года прокремлевское националистическое молодежное движение «Наши» провело антидолларовые демонстрации во многих городах России. В Санкт-Петербурге они скандировали «Не покупай доллары!» и «Хватит верить в Америку, пора верить в Россию!» (Александров, 2006). В Ярославле «Наши» ходили по улицам в нарядах «попрошайки-доллара», обращаясь к прохожим с просьбой «потратить пару копеек на развитие американской экономики» (Москвина, 2006). Это, впрочем, не было первым случаем антидолларовой деятельности «Наших» в том году. Еще в июле активисты «Наших» в Москве расклеили на городских пунктах обмена валюты призывы «Покупай рубли!» (Эхо Москвы, 2006). Российское правительство также предприняло ряд конкретных шагов по снижению роли доллара, включая диверсификацию валютных резервов, ограничение долларовых займов, запрет на выплату налогов в долларах и предложение перевести внутреннюю нефтяную торговлю на рубли. Какая же мотивация была у всей этой многосторонней антидолларовой кампании?

Я считаю, что брошенный в 2006 году вызов главенствующей роли доллара в российской экономике был обусловлен мощным соединением трех различных, но взаимодополняющих тенденций. Во-первых, попытка президента Путина усилить российское государство и восстановить государственную власть после катастрофических 1990-х требовала того, чтобы вновь заявить о денежном суверенитете России. Во-вторых, усиливающаяся оппозиция американской внешней политике и возродившийся русский национализм среди ключевых правительственных и партийных лидеров побудили их выступить против ощутимой зависимости от доллара как угрозы российскому могуществу и идентичности. Наконец, что наиболее важно, ослабление доллара по отношению к рублю и евро вызвало у чиновников из экономического блока правительства беспокойство, что неустойчивая американская макроэкономическая политика может угрожать экономической стабильности России, особенно в связи с увеличением государственных долларовых валютных резервов. Эта сохраняющаяся слабость вкупе с возрастанием антиамериканского национализма в обществе вдохновила также и простых россиян пересмотреть свое отношение к доллару.

В следующем разделе я поясню, почему эти политические и экономические тенденции, соединившись, оказались способными бросить вызов доллару как валюте, занимающей главенствующее положение в России. Затем, после краткого обсуждения отношения России к доллару в 1990-х, я рассмотрю вопрос о том, почему несходные мотивации российских действующих субъектов объединили их в единой цели — ослаблении господствующей позиции доллара. В заключение я представлю свои идеи относительно послед-

Таблица 1. Главные валютные индикаторы России (показатели на конец года)

	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Депозиты в иностранной валюте, в % от общего объема депозитов	Нет свед.	Нет свед.	39, 9	39, 2	28, 3	27, 4
Уровень инфляции, % за год	161	2506,1	840	204, 4	128, 6	21, 8
Обменный курс рубль–доллар США	169	415	1247	3550	4640	5570
Обменный курс рубль–евро						
Валютные резервы (без учета золота) в млрд долларов США	Нет свед.	Нет свед.	5, 8	4	14, 3	11, 3
Стабилизационный фонд в млрд долларов США						
Цена за баррель нефти марки Urals (долл. США)	16, 55	16, 30	12, 35	16, 40	19, 47	22, 85

* В январе 1998 в России была осуществлена деноминация: с купюр убрали три нуля.

** На ноябрь 2007.

Источник: ЦБР, Bank of Finland Institute for Economies in Transition, US Energy Information Administration.

ствий изменения отношения России к доллару для всего международного долларового режима. При том что доллар как в России, так и во всем мире меняет свой статус «ведущей» валюты на статус «признанной» (Helleiner, 2008; Stange, 1971), российское правительство может получить необычные средства экономического и политического давления на США.

ПОТЯСЕНИЕ ОСНОВ ВАЛЮТНОГО ГОСПОДСТВА

Три главных фактора могут изменить отношение страны с доминирующей иностранной валютой, такой, как американский доллар: изменения, касающиеся восприятия самой этой валюты как надежной для международных и внутренних операций; стремление политического руководства страны к денежному суверенитету; некие более широкие аспекты национальной идентичности. Наиболее важна здесь надежность: действительно ли доминирующая валюта является лучшим средством обмена, расчетной денежной единицей и средством сбережения, нежели какие-то иные альтернативы? На международном уровне доминирующая (или «ведущая») валюта должна обладать большей ликвидностью, предсказуемостью и транзакционными связями, нежели потенциальные претенденты (Cohen, 1998). Это требует от страны-эмитента политической стабильности, консервативной экономической политики, сильных финансовых рынков, обширной международной торговли и финансовых связей. Указанное доминирование может поддерживаться также и военной, и политической властью на международном уровне (Helleiner, 2006). Кроме того, для сохранения в стране асимметричного

1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
24, 6	43, 3	40, 4	36, 8	34, 2	35, 1	26, 9	25, 1	22, 8	15, 8	13, 1**
11	84, 4	36, 5	20, 2	18, 6	15, 1	12	11, 7	10, 9	9	11, 9
5960	20, 65*	27	28, 16	30, 14	31, 78	29, 45	27, 75	28, 78	26, 33	24, 55
		27, 23	26, 14	26, 49	33, 11	36, 82	37, 81	33, 94	34, 7	35, 93
12, 9	7, 8	8, 5	24, 3	32, 5	44, 1	73, 2	103, 7	137	214, 7	384, 7
							18, 9	43	89, 1	157
16, 62	9, 57	24, 71	21, 40	19, 40	30, 31	27, 44	33, 06	53, 70	56, 09	93, 98

валютного замещения доминирующая валюта должна быть, во-первых, легкодоступна и, во-вторых, восприниматься как более надежная, нежели национальная (если таковая имеется). Если все эти относящиеся к надежности условия сохраняются в течение длительного времени в международном контексте или в контексте отдельной страны, они, как правило, пересиливают прочие факторы и делают положение доминирующей валюты более прочным.

Однако после 2003 года русский рубль укреплялся по отношению к доллару (см.: Табл. 1), а сам доллар слабел по отношению к другим основным валютам мира—как в связи с определенной дестабилизацией американской экономики, так и в связи с военным перенапряжением США (Kirshner, 2008). Это открыло путь к пересмотру отношений России и доллара. Когда надежность доминирующей валюты становится не столь очевидной (либо в международном масштабе, либо насколько это касается национальной валюты), у ведомой страны появляется все более реальная возможность давления с целью изменения отношений с доминирующей валютой. При таких условиях денежная политика ведомой страны может обратиться к суверенитету и, наряду с материальными аспектами, к аспектам идентичности (Helleiner, 2003; Kirshner, 2003).

С точки зрения *Realpolitik*, рост национального денежного суверенитета является для государства притягательным во многих аспектах. Ослабление или полное устранение валютного замещения позволяет государству вернуть экономический контроль над своей территорией, упростить проведение денежной политики и препятствовать стране-эмитенту доминирующей валюты использовать ее статус как политическое оружие (так, как США использовали доллар в Панаме в конце 80-х) (Kirshner, 1995). Претендовать на то, чтобы

взять на себя множество международных функций доминирующей валюты — куда более сложное предприятие, особенно для одного отдельного государства; но если ведомое государство сможет добиться замещения доминирующей валюты своей собственной или валютой своего близкого союзника, это может принести ему значительные политические и экономические дивиденды. В этом случае ведомое государство может получить как денежную власть, так и возможность применения денежного воздействия. Как отмечает Эндриус (Andrews, 2006: 16), денежная власть предполагает пассивное влияние, приобретаемое государством-эмитентом доминирующей валюты, а денежное воздействие есть «сознательное манипулирование денежными отношениями с целью воздействовать на политику других государств».

Наконец, денежные отношения тесно связаны с восприятием национальной идентичности. Коэн (Cohen, 1998) и Хелляйнер (Helleiner, 2003) настаивают, что единая национальная валюта укрепляет в гражданах государства чувство национальной идентичности и общности. Более того, валюты и их образы символически усиливают могущество государства-эмитента и его авторитет среди тех, кто регулярно пользуется этими валютами. Следовательно, как показывает Коэн, долларизация может подорвать национальную идентичность, так как напоминает гражданам о политической слабости их собственного государства и усиливает их идентификацию с США. Абделаль (Abdelal, 2001) хорошо иллюстрирует эти тезисы, отмечая, что исходные решения постсоветских государств о выходе (или невыходе) из рублевой зоны, а также введение ими собственной валюты перед лицом коллапса СССР зависели преимущественно от понимания собственной идентичности в соотнесении с Россией. Проевропейская и антироссийская Литва, например, немедленно ввела свою собственную валюту, несмотря на все связанные с этим расходы, в то время как пророссийская Беларусь оставалась в рублевой зоне столь долго, сколь было возможно, а затем начала переговоры о создании валютного союза с Россией. Вообще, как показали митинги движения «Наши», для такой большой страны, как Россия, чья национальная идентичность включает восприятие себя самой как великой политической и экономической державы, любая зависимость (неважно, на национальном или международном уровне) от валюты главного политического соперника воспринимается как угроза безопасности и как оскорбление национальной гордости.

Важно отметить, впрочем, что не все действующие субъекты внутри государства будут стремиться бросить вызов доминирующей валюте одинаковым образом и в силу одних и тех же причин. Слишком часто дискуссии о валютной политике рассматривают государство как единый действующий субъект с одним-единственным набором предпочтений. Напротив, я покажу, что надежность, суверенность и различные аспекты идентичности могут производить некий общий результат, действуя различными способами и через разные группы. Для того чтобы лучше понять как происходило развитие этих сложных внутренних политических и экономических динамик в России, нам следует сперва рассмотреть то, как американский доллар занял в ней главенствующую позицию.

ДОЛЛАРИЗАЦИЯ В РОССИИ

История отношений между россиянами и долларом длинна и весьма непроста. В советские времена запрещенные доллары крутили колеса подпольной экономики и позволяли западным туристам покупать иначе недоступные товары в валютных магазинах. Постсоветская гиперинфляция 1992 года обусловила бегство россиян к знакомому, дружественному доллару. Россия быстро стала высоко долларизованной экономикой: говорят, в ней находилось в обращении больше стодолларовых купюр, чем в самих США. В то время как в 1990-е российские граждане накапливали доллары, российское правительство практически не имело долларовых резервов, обладая, однако, значительными исчисляемых в долларах долгами.

У правительств как Ельцина, так и Путина были веские экономические причины для того, чтобы начать борьбу с долларизацией. Высокая неофициальная долларизация осложняла денежную политику, повышая уязвимость России при финансовых кризисах и упрощая незаконную экономическую деятельность. Тот частный случай долларизации, который имел место в России 1990-х, когда граждане хранили свои сбережения в валюте вне банковской системы, является особенно пагубным. Такое «внутреннее бегство капитала» препятствовало тому, чтобы все эти средства использовались в качестве займов и инвестиций в российскую экономику. И тем не менее, несмотря на столь серьезную мотивацию, ранние попытки де-долларизации и периоды макроэкономической стабильности не оказали на долларизацию России существенного эффекта.

Как видно из Табл. 1, быстрая долларизация началась в России после коллапса экономической реформы 1992 года, когда макроэкономическая стабильность рухнула вслед за либерализацией цен. Впрочем, долларизация была не единственным следствием того, что отдельные граждане, фирмы и даже местные власти бежали от рубля. Широко распространились также денежные суррогаты, бартер и неплатежи (Woodruff, 1999). Долларизацию чрезвычайно трудно измерить, особенно в таких странах, как Россия, где большинство населения хранит долларовые сбережения в наличных и где доллары стали избранной валютой для сильно развитой теневой экономики². Впрочем, по всем расчетам долларизация в России 1990-х была одной из самых высоких в мире среди стран с неофициально долларизированной экономикой. Согласно одной оценке, доллары составляли 87% от общего объема валюты (наличные и банковские депозиты), обращавшейся в России в 2001 году (Feige, 2003). Долларизация сохранялась в течение всего периода снижения инфляции и падения доллара, являя хорошо известный эффект запаздывания (Navrylyshyn and Beddies, 2003; Oomes, 2003; Shinkevich and Oomes, 2006). Оомес и Онзорге (Oomes and Ohnsorge, 2005) указывают, что

2. В частности, этот феномен делает дезориентирующим индекс долларизации МВФ, основанный на отношении объема депозитов в иностранной валюте к денежному агрегату M2.

в 2004 году объем наличности в иностранной валюте (без учета банковских депозитов) достигал приблизительно 46 миллиардов долларов. Как показывает Табл. 1, объем депозитов в иностранной валюте в процентном отношении к индивидуальным банковским депозитам также оставался значительным в течение длительного времени, составляя от 25 до 45% в период от 1993 до 2004 г³. Как следствие, Россия могла служить примером довольно высокой долларизации.

На практике для повседневной жизни россиян (особенно в 1990-х) это означало, что доступ к долларам обеспечивал доступ к товарам и возможность противостоять экономическому кризису. Уже в позднесоветский период имелось определенное социальное различие между обладателями долларов и теми, кто их не имел, и это расслоение только усилилось в начале 1990-х. Лемон (Lemon, 1998) характеризует это время как «валютный апартеид», когда держатели долларов были защищены от инфляции и обладали доступом к валютным магазинам и товарам, продававшимся только за валюту. Работа на иностранные компании, валютные спекуляции стали наиболее привлекательными сферами деятельности. Повсеместно появились пункты обмена валют, и обычный россиянин, как правило, знал дневной обменный курс рубля к доллару. Покупка жилья требовала долларов, цены часто выставлялись в долларах, некоторые магазины продавали товары только за доллары, а богатые российские бизнесмены носили с собой пачки сто-долларовых купюр. Ситуация была настолько вопиющей, что некоторые известные западные экономисты предлагали ввести привязанную к доллару «валютную палату» (Hanke and Schuler, 1993) или осуществить официальную долларизацию (Mankiw, 1998). Некоторые наиболее очевидные признаки долларизации (такие как валютные магазины) исчезли к концу 1990-х, но доллар сохранил главенствующее положение в российской экономике.

Почему долларизация России была столь высокой и продолжительной? Гиперинфляция 1992 года сыграла важную роль, но не она одна. Уже в позднесоветский период как правительство, так и простые граждане стремились к приобретению СКВ, установив таким образом отношения «любви-ненависти» с долларом. Хотя частные обменные операции с валютой были запрещены, советскому режиму требовался доступ к доллару, во-первых, для импорта западных технологий и, во-вторых, для обслуживания выросшего при Горбачеве внешнего долга. В то же время теневая экономика, питаемая долларами, увеличивалась в размерах с 1970-х, а неофициальный статус доллара рос вместе с инфляцией рублевой экономики в 1988–1991 годах. Затем, как указывает Борисов, «в 1991 году новые российские власти радикально изменили свое отношение к этому „запретному плоду“... разрешив уполномоченным банкам осуществлять операции с валютой и открывать счета

3. Процентное отношение депозитов в иностранной валюте к общему объему депозитов является одним из индикаторов долларизации, хотя и несовершенным, поскольку не учитывает сбережения в наличных деньгах. Хотя статистика ЦБР не различает депозиты в долларах и евро, отчеты ЦБР показывают, что процент депозитов в евро оставался относительно незначительным вплоть до 2006 года.

в СКВ для граждан и предприятий» (Борисов, 2004). Возможность легально совершать операции с долларами была получена — и поток было уже не остановить. Советская денежная реформа 1991 года, отменившая хождение 50 и 100 рублевых банкнот старого образца (при возможности обмена частными лицами не более 1000 руб. на человека), хотя и была направлена на борьбу с организованной преступностью и на ослабление сепаратистских движений, только укрепила относительное доверие к доллару у населения. В период гиперинфляции 1992 года доверие к доллару как валюте в России было уже высоким, а сами доллары широко распространены, что резко ускорило процесс долларизации. Две последующие денежные реформы (1993 и 1998 годов), два финансовых кризиса (1994 и 1998 годов) и регулярные коллапсы банков и инвестиционных фондов еще больше усилили стремление россиян хранить сбережения в долларах и у себя дома. Периоды относительной стабильности рубля и увеличение его стоимости (1995–1998 и после 2000) не победили долларизацию, равно как не победили ее и многочисленные антидолларовые меры, предпринятые правительством.

В 1990-х эти антидолларовые меры российского правительства сперва опирались на принятие законов, регулирующих использование доллара, а затем свелись к попыткам макроэкономической стабилизации. В 1992 году президент Борис Ельцин издал указ об ограничении операций в долларах, а Центробанк России (ЦБР) в январе 1994 года запретил осуществлять платежи в наличных долларах. В 1995 году ЦБР ввел «рублевый коридор» (гарантировавший, что колебания обменного курса рубля к доллару не будут слишком сильными), которого он придерживался вплоть до финансового кризиса августа 1998 года. Сам кризис привел к мощной девальвации рубля, но одновременно сделал покупку долларов слишком дорогой, так что уровень долларизации в 1998 году несколько понизился и не поднимался вплоть до 2001 года. (Ирония в том, что как раз именно в этом году экономика и обменный курс рубля к доллару стабилизировались.) Важно также, что после кризиса 1998 года Центробанк осуществил ряд успешных мер, суть которых состояла в том, что экспортеров обязали продавать на родине часть валютной выручки (сначала в размере 50, затем 75%) за рубли, для того, чтобы восстановить истощившиеся валютные резервы⁴. Эти меры стали основой для быстрого роста долларовых резервов ЦБР в последующие годы.

Хотя попытки осуществить де-долларизацию предпринимались в течение всего этого периода, они показали себя малоэффективными. Сменявшие друг друга российские правительства постоянно заявляли о том, что де-долларизация началась. Например, после начальной стабилизации 1995 г. премьер Анатолий Чубайс утверждал, что «рубль начал вытеснять иностранную валюту с национального рынка; де-долларизация экономики стартовала» (Dow Jones, 1995). Опубликованная в 2004 году статья с характерным названием «Конец де-долларизации» с издевкой цитирует главу Центробан-

4. ЦБР постепенно снижал эти проценты: сначала до исходных 50, затем до 30 и 25; наконец, это требование было отменено в 2006 году.

ка Сергея Игнатьева, который заявил в июне 2003 года, что Россия «начала процесс де-долларизации экономики» (Время, 2004).

Оомес и Онзорге (Oomes and Ohnsorge, 2005) связывали тенденцию де-долларизации 2003 года с недолгим периодом, когда обменный курс рубля к доллару был легко предсказуем, в результате чего часть «матрасных денег» вернулась обратно в финансовую систему. Россияне всегда были очень чувствительны к колебаниям обменного курса, меняя доллары на рубли и наоборот в зависимости от того, куда дует ветер, но тем не менее общий уровень долларизации оставался сравнительно высоким вплоть до 2006 года. В 2005 году частные лица приобрели валюты больше (43 млрд долларов), чем в любом предшествующем году (Vedomosti, 2006). Быстрый рост официальных долларовых резервов вкупе с возрастающей значимостью рынков торгуемых в долларах природных ресурсов, возможно, даже поспособствовали дальнейшему упрочнению положения доллара в России. Следовательно, антидолларовую кампанию 2006 года с полным на то основанием можно было воспринимать несколько критически. Впрочем, имеются определенные основания полагать, что она возвестила о возникновении долговременной тенденции к снижению роли доллара в России, когда аспекты надежности, денежного суверенитета и национальной идентичности проявились одновременно.

АНТИДОЛЛАРОВАЯ КАМПАНИЯ

В отличие от предшествующего периода, в 2006 году официальные российские лица, ведущие производители и общественность — все имели сильную мотивацию к тому, чтобы избавиться от доллара (см.: Табл. 2). Наиболее важно, что в самом российском правительстве совпали три независимых лейтмотива, что и привело к возникновению антидолларовой кампании: во-первых, стремление Путина укрепить суверенитет России; во-вторых, националистический уклон в правящей партии «Единая Россия»; в-третьих, материальные соображения либеральных экономистов из правительства.

Путин: укрепление государства

С момента избрания на пост президента России в марте 2000 года, Владимир Путин постоянно стремился к усилению российского государства. Его целью было увеличение национального политического и экономического могущества России, а также расширение ее влияния на постсоветском пространстве и за его пределами. Достижение большей экономической независимости и большего влияния было важнейшей составляющей его стратегии, включавшей установление государственного контроля над командными высотами в экономике (например, в области природных ресурсов) и, с другой стороны, либерализацию условий экономической деятельности в остальных аспектах (Blazer, 2005). Обладание монополиями в отношении денег является центральным элементом суверенности государства, который был утрачен Россией в 1990-х и который надлежало вернуть (Abdelal, 2003; Woodruff, 1999). Путин

понимал, что долларизованная экономика России подрывает ее суверенитет и снижает возможность контролировать денежную политику. Более того, как природные ресурсы России были в глазах Путина действенным инструментом внешней политики, так же, с его точки зрения, усиление международного веса рубля могло увеличить геополитическое влияние России.

Таким образом, Путин поощрял правительство, компании и общество в том, чтобы как можно меньше использовать доллар внутри страны и как можно активнее использовать рубль — не только в России, но и за границей. Например, в мае 2006 года в ежегодном послании к федеральному собранию Путин объявил о том, что «рубль должен стать более универсальным средством для международных расчетов... В этих же целях необходимо организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом, другими товарами, торговлю с расчетом рублями» (RIA Novosti, 2006c). Возрастающий контроль государства над природными ресурсами и финансовыми механизмами значил, что политика, проводимая Путиным, имеет больше шансов на успех, нежели аналогичные попытки, предпринимавшиеся ранее. РТС, главный биржевой рынок страны, впервые начал осуществлять фьючерсные торги нефтью за рубли в июне 2006 г. (RIA Novosti, 2006b). В середине лета государственный «Сбербанк» (самый крупный банк России) стал отказывать в выдаче долларовых кредитов; за ним последовали и некоторые другие крупные коммерческие банки (Мигунов, 2006). В октябре Федеральная налоговая служба объявила о том, что с 1 января 2007 г. отказывается принимать налоговые платежи от иностранных компаний в долларах (Российская газета, 2006). Кроме того, Путин поощрял публичные дискуссии о рубле как о международной резервной валюте и о выборе нового официального символа рубля. Хотя в выступлениях Путина ближе к выборам 2007–2008 годов появлялось все больше популистской националистической риторики, суверенность оставалась главным движущим фактором в его политических решениях. В представлении Путина, сильная суверенная держава должна обладать равным образом уважаемой национальной валютой.

«Единая Россия»: снижение зависимости

Для многих российских политических лидеров наиболее важным вопросом было не столько усиление суверенитета России вообще, сколько снижение ее зависимости от США в частности. Здесь суверенность сочеталась с более широкими аспектами национальной идентичности, бросая вызов зависимости, которая рассматривалась как неподобающее великой державе состояние, и отвечая неприязнью на чувствительные политические оскорбления со стороны США. Российско-американские отношения постоянно ухудшались, начиная с вторжения в Ирак в 2003 году, которое было решительно осуждено Россией. Поддержка Америкой групп политической оппозиции, помимо прочего, в Грузии, Украине и Беларуси еще больше возбуждали российское правительство и общественное мнение против США. В России было широко распространено мнение, что именно США стоят за успешными «цвет-

Таблица 2. Взаимопересекающиеся тенденции: доллар США в России в 2006 г.

	Текущее использование доллара	Главные тенденции, противодействующие текущему использованию	Реакция на эти тенденции	Тенденция для использования доллара
Правительство:	Золотовалютные резервы (включая Стабилизационный фонд)			
Президент Путин		Стратегия государственного строительства, с акцентами на силу и автономность	Подталкивание к диверсификации резервов; стимулирование де-долларизации; пропаганда рубля	Отрицательная
«Единая Россия»		Возрастающий национализм и неудовлетворенность зависимостью от США	Националистическая кампания, направленная на снижение использования доллара в сбережениях, резервах, при ценообразовании, а также упоминания в публичных высказываниях	Отрицательная
Экономический блок		Постоянное ослабление доллара на международных рынках	Последовательная диверсификация резервов; контроль обменного курса рубля к доллару	Отрицательная
Нефтегазовая промышленность	Экспортные цены и продажи, при общем объеме экспорта приблизительно \$ 200 млрд (2006)	Возрастание валютных рисков в связи с волатильностью доллара; сравнительная важность европейского рынка; значительная доля государственной собственности	Определенный интерес в установлении цен в евро или рублях; поддержка валютных инициатив правительства	Отчасти отрицательная
Финансовый сектор	Депозиты и займы в иностранной валюте, соответственно, \$ 40 и \$ 80 млрд (преимущественно в долларах США) (2006)	Возрастание валютных рисков в связи с волатильностью доллара; значительная доля государственной собственности	Снижение доступности долларовых инструментов; поддержка валютных инициатив правительства	Отчасти отрицательная
Общество	Сбережения и крупные операции (например, в сфере недвижимости)	Постоянное ослабление доллара относительно рубля и евро; антидолларовая кампания	Возрастающее замещение слабого доллара рублем или евро	Отрицательная

ными» революциями в Грузии (2003) и Украине (2004) и что США оказывали помощь этим оппозиционным движениям не для продвижения демократии, а для снижения влияния России в соседних постсоветских государствах. Российские лидеры также были крайне недовольны американской характеристикой России как неполной демократии, критикой за давление на прессу, нарушение прав человека, злоупотребления при выборах и политику в Чечне.

Заместитель руководителя Администрации президента Владислав Сурков ответил на это в 2006 году концепцией «суверенной демократии», в рамках которой подразумевалось, во-первых, что Россия имеет право сама определять путь своего развития, и, во-вторых, что Грузия и Украина не подлинные демократии, а марионетки американского правительства. Подобная националистическая риторика только усилилась с приближением выборов в Думу (декабрь 2007 года) и президентских выборов (март 2008 года). В этой атмосфере многие политики (и вообще многие россияне) стали пересматривать в том же негативном ключе все аспекты российско-американских отношений после 1992 года, включая помощь МВФ, расширение НАТО, гарвардских советников, зарубежные инвестиции, судейство на Олимпийских играх, американские базы в Центральной Азии; и, конечно же, все рассматривали господство доллара как часть плана США по ослаблению России.

Две книги российских экономистов (Борисов, 2004; Ершов, 2005) выразили антидолларовые настроения данного типа наиболее ясно. И там и там доказывалось, что долларом пользуются слабые страны (как правило — бывшие колонии). И там и там доказывалось, что долларизация вредит российской экономике и оскорбляет российский экономический суверенитет. И там и там доказывалось, что долларизация произошла не сама по себе, но требовала содействия со стороны российского правительства. Ершов идет еще дальше и доказывает, что США активно стимулировали долларизацию как экономическое оружие для достижения политических целей. Доллар, согласно Ершову, широко используется не по причине его стабильности или его ценности, но постольку, поскольку был навязан США другим странам. Такие политические взгляды поддерживают настроения русских националистов, направленные против господства доллара не только в России, но и в других странах.

Сурков и поддерживаемая Кремлем партия «Единая Россия» в Госдуме начали националистическое политическое наступление на доллар⁵. «Единая Россия» вдохновила кампанию «Наших» и поощряла газетные статьи, высмеивающие доллар. Наиболее примечательным стало внесение «Единой Россией» в апреле 2006 г. на голосование в Госдуме законопроекта о запрете на упоминание доллара в публичных высказываниях и на установление цен в долларах. Этот закон должен был запретить чиновникам, журналистам и бизнесменам использовать термины «доллар», «евро» и «условная единица», или «у. е.», в высказываниях, публикациях и при установке цен, за исключением случаев обсуждения международных транзакций, иностранных долгов и иностранной торговли⁶. Нарушители должны были

5. Так называемые силовики (бывшие и нынешние чины госбезопасности и вооруженных сил в администрации Путина) также разделяли это мнение, несмотря на борьбу за власть с Сурковым и «Единой Россией».

6. Многие российские предприятия устанавливали цены в «условных единицах» («у. е.»), чья стоимость приблизительно совпадала с обменным курсом рубля к доллару или к евро. Предприятия могли переводить установленные в «у. е.» цены в рубли на момент продажи и выставлять счет в рублях. Например, когда я останавливалась в одной известной гостинице в Москве летом 2006 г., цены устанавли-

подвергаться постоянно увеличивающимся штрафам. Высшие российские экономические чиновники, включая Кудрина, главу ЦБР Сергея Игнатьева и министра экономического развития Германа Грефа, сразу же осмеяли законопроект. Греф, например, сказал, что вместо слова «доллар» он будет употреблять слово «зеленый» или «бакс» (Izvestia, 2006). Позже, на заседании кабинета министров он поймал себя на употреблении запретного термина: начав говорить об инвестиционном проекте в Томске, Греф отметил, что «он оценивается в 30 миллионов... В 700 миллионов рублей. 30 миллионов не-рублей» (Reuters, 2006). Несколько думских депутатов также выразили несогласие с законопроектом. В телевизионном интервью независимый депутат Владимир Рыжков с иронией высказался по поводу его политического характера: «Я также ввел бы штрафы за упоминание Америки, Грузии, Украины и Молдовы. Кроме того, я предложил бы запретить упоминать Всемирный Банк» (Павлова, 2006). Тем не менее законопроект был одобрен подавляющим большинством голосов, а президент Путин поставил свою подпись под несколько сокращенным вариантом, придав ему статус закона, в марте 2007 г. (ИТАР-ТАСС, 2007). Печально известный депутат-националист Владимир Жириновский, используя образы Второй мировой войны, сказал по этому поводу: «Рубль наступает! Следующая остановка — Берлин!» (Finn, 2006).

Чиновники экономического блока: защита российских богатства

Хотя думский законопроект и вызвал досаду у российских чиновников экономического блока, сами они предприняли наиболее серьезные практические шаги для снижения роли доллара в России. Верхушка Министерства финансов, ЦБР и Министерства экономического развития опасалась, что российской экономике угрожает возрастающая слабость доллара на международном уровне. В апреле 2006 года на ежегодной встрече совета управляющих Всемирного Банка и МВФ министр финансов Кудрин шокировал валютные рынки заявлением о том, что торговый дефицит США и волатильность доллара «определенно заставляют задуматься о его статусе резервной валюты... международное сообщество вряд ли может быть удовлетворено такой нестабильностью» (Halligan, 2006). В июне того же года на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге первый заместитель председателя правительства Дмитрий Медведев откликнулся на это заявление словами о том, что «современное состояние экономики США — страны-эмитента единственной мировой резервной валюты — вызывает вопросы», и предположил, что российский рубль, наряду с другими валютами, может стать жизнеспособной резервной валютой (Boykewich and Humber, 2006).

Более того, это были не пустые заявления. В течение 2006 года ЦБР диверсифицировал свои валютные резервы, сократив долларовую составляющую

вались в «у. е.» и переводились в рубли по курсу 1 «у. е.» к 30 руб., что приблизительно соответствовало среднему между курсом рубль-доллар и рубль-евро.

щую. Хотя точные цифры держатся в секрете, глава ЦБР Игнатьев сообщил в июле, что Центробанк держит в долларах только 50% от своих резервов (сравнительно с 70% в 2004 году). Евро стал здесь основным выгодоприобретателем: его доля в российских валютных резервах увеличилась до 40%. Возможно, более неожиданным стало заявление первого заместителя председателя ЦБР Алексея Улюкаева о том, что Центробанк собирается разместить до 7% своих резервов в иенах, а также перевести незначительные их проценты в австралийские и канадские доллары. Следовательно, хотя ЦБР и планировал продолжить покупку долларов, общая доля долларов в российских резервах продолжала бы падать, сообразно возрастанию процента других валют⁷. Это движение отражало в первую очередь соображения российских чиновников относительно состояния американской экономики и осознанную ими необходимость оградить свои ставки в обстоятельствах, когда резервы продолжали расти астрономическими темпами.

Российские чиновники экономического блока также предприняли ряд шагов для поощрения использования рубля как средства сбережения и деловых операций внутри страны, намереваясь, главным образом, поддержать рубль, который стал полностью конвертируемым с 1 июля 2006 года. В середине того же года ЦБР уменьшил объемы регулярных покупок долларов, внося тем самым вклад в 5% падение доллара по отношению к рублю: это действие было направлено как на снижение инфляции, так и на поощрение внутренней де-долларизации. Кроме того, сохранявшиеся высокие цены на нефть ставили Россию в такие условия, когда де-долларизация национальной экономики оказывалась не только желательной, но и возможной. В сочетании с усиливавшимся ослаблением доллара в международном масштабе, поток нефтедолларов позволял рублю повышаться относительно доллара без каких-либо макроэкономических ограничений внутри России.

В последние годы чиновники, как правило, пытались ограничить это усиление рубля, покупая доллары, что способствовало перманентной инфляции в России (см.: Табл. 1). Продолжение повышения курса рубля на волне доходов от экспорта нефти снижало жизнеспособность других секторов промышленности как в самой России (поскольку российская продукция должна была конкурировать с всегда более дешевым импортом), так и за ее пределами (поскольку российские товары оказывались для зарубежных потребителей относительно дорогими). Это серьезная проблема для России, поскольку качество произведенных внутри страны товаров все еще уступает качеству товаров, производимых в большинстве стран мира. Девальвация, последовавшая за финансовым кризисом 1998 года, оживила российскую промышленность, поскольку импортные товары стали слишком дороги для российского потребителя, который был вынужден потому покупать российские.

7. Значительные резервы в иностранной валюте позволили России также выплатить раньше срока, в июле 2006 года, номинированные в долларах долги Парижскому Клубу (правительство согласилось заплатить пеню в 1 млрд долларов за преждевременное погашение долга).

Однако с последующим укреплением рубля, указанная динамика значительно снизилась. В этом смысле имеется противоречие между защитой национальной промышленности при помощи обменного курса и упрощением проведения де-долларизации и снижением инфляции.

ОТВЕТ ОБЩЕСТВА

Если коротко, то у российского правительства имелось значительное число дополняющих друг друга мотивов для снижения зависимости России от доллара. Россия не только диверсифицировала свои резервы, но и достигла начальных успехов в де-долларизации. Думский законопроект, митинги «Наших», антидолларовые выступления достигли своих целей по воздействию на общество. В ходе кампании по всей стране проводились антидолларовые дискуссии — в газетах, на радио, на телевидении. Публикации не только подчеркивали нежелательность хранения сбережений в долларах с политической точки зрения, но и намекали, что хранение сбережений в долларах уже не является разумным экономическим деянием. Например, в мае связанная с Кремлем «Комсомольская правда» писала, что доллар как «твердая валюта» не такой уж, в общем-то, и «твердый», и предупреждала, что Центробанки по всему миру продают доллары, так что в следующем году стоимость доллара в России обязательно упадет (Бутаев, 2006).

В июне одно из агентств, производящих опросы общественного мнения, выявило, что 50% россиян поддерживают антидолларовый законопроект, а 57% «осуждают» публичную критику рубля. Это было отражением серьезного изменения в сознании населения, которое долгое время предпочитало доллар как в качестве средства сбережения (замещение активов), так и в качестве средства обмена (валютное замещение). Русские, всегда трепетно следящие за изменением обменного курса валют, обратили внимание на продолжительное укрепление рубля и стали продавать доллары. Согласно отчету ЦБР, к октябрю россияне продали 10 млрд долларов, что стало свидетельством сильной тенденции к де-долларизации, которая имела место в течение всего года (Золотой рог, 2006). Один из триумфаторов Центробанка, Улюкаев, заявил: «Доллар был вынужден отступить — как в качестве платежного средства, так и в качестве средства накопления» (АК&М, 2006). К концу 2006 г. депозиты в иностранной валюте сократились до 15,8% от общего числа банковских депозитов, принадлежащих частным лицам; в процентном отношении это составило значимые 7% (см.: Табл. 1). Продолжающееся усиление рубля убедило даже осторожных россиян в правильности обмена накопленных долларов на рубли (или на евро — результат, не столь желанный для правительства); причем при существующих экономических условиях нет оснований ожидать падения рубля. Только три фактора могут стать потенциальной угрозой для этой тенденции к де-долларизации: политическая нестабильность; высокие правительственные расходы, способные обусловить инфляцию; быстрое падение цен на нефть на длительный срок. Поскольку Россия накопила значительный по объему Стаби-

лизационный фонд (к концу 2007 г. оценивался в более чем \$150 млрд), предназначенный для защиты экономики в случае падения цен на нефть, то как наиболее серьезные потенциальные угрозы могут рассматриваться политическая нестабильность и перерасходы⁸.

РОССИЯ И БУДУЩЕЕ ДОЛЛАРА

Относительная слабость доллара в международном масштабе сыграла ключевую роль в отходе России от доллара. В частности, российские лидеры опасались того, что доллар перестал восприниматься как надежная валюта, а также эффекта, который данное обстоятельство могло произвести на зависимую от доллара Россию. Однако не меньшее значение имело и то, что национальная политическая динамика привела к организации публичной антидолларовой кампании, когда поставленная под сомнение надежность доллара открыла дорогу соображениям суверенности и идентичности, оказавшим воздействие на российскую денежную политику. Таким образом, популярный путинский образ суверенной и сильной России не только исключал главенствующую роль доллара, но и предполагал рубль в качестве потенциальной региональной замены американской валюте. Парламентарии и некоторые члены команды Путина также видели в долларизации вызов российской идентичности и рассматривали де-долларизацию как удар по американскому влиянию. Российская общественность, с одной стороны, замечала падение стоимости доллара, а с другой стороны, все острее воспринимала зависимость от него как ущерб национальной гордости. Именно эта комбинация экономических и политических императивов поставили под угрозу будущее доллара в России.

При том что и российское правительство, и российское общество выражают все меньшее желание опираться на американскую валюту, уже уязвимый доллар подпадает под возрастающее давление на международных финансовых рынках. Эти российские тенденции и тренды не могут угрожать стабильности международного долларового режима как такового, так как зависимость России от рынка нефтедолларов и отсутствие привлекательной альтернативы доллару подразумевает, что Россия останется в обозримом будущем одним из главных держателей долларов. Тем не менее, поскольку позиции доллара в России постоянно ослабевают, США могут столкнуться с двумя связанными между собой вызовами.

Во-первых, США должны обеспокоиться в случае, если политика России по предусмотрительной диверсификации резервов начнет совпадать с аналогичными действиями других крупных держателей долларов, таких как Китай, Япония и Саудовская Аравия. Одновременная диверсифика-

8. Средства фонда номинированы в трех валютах: 45% американские доллары; 45% евро; 10% английские фунты (на июль 2007 года). В феврале 2008 года фонд был разделен на «Резервный фонд» в 10% от ВВП (для смягчения падения цен на нефть) и «Фонд национального благосостояния» (на инвестиционные проекты).

ция со стороны нескольких стран может создать дополнительное международное давление на доллар, которое будет иметь неконтролируемый характер. Если доллар продолжит колебаться и дальше, может возникнуть порочный круг международного бегства от долларовых резервов и с рынка нефтедолларов. Несмотря на то, что российские лидеры хотели бы, чтобы США утратили свою роль мирового гегемона, такое крушение доллара отнюдь не в их интересах. Тем не менее вопрос о том, стали бы они активно сотрудничать с другими государствами для поддержки доллара в случае возникновения значительного международного давления на него, остается открытым.

Во-вторых, по мере снижения роли доллара российские власти будут получать все больше возможностей и все больше склоняться к денежному воздействию на международном уровне. В региональном масштабе российские официальные лица почти наверняка будут использовать свое влияние и относительную слабость доллара для того, чтобы стимулировать использование рубля в странах бывшего СССР. После гиперинфляции 1992 года и коллапса рублевой зоны в 1993 году многие постсоветские государства претерпели долларизацию высокого уровня и стали использовать доллары для международных операций. Армения, Азербайджан и Казахстан принадлежали к числу наиболее сильно долларизованных экономик региона, с уровнем долларизации более высоким, чем в самой России (Zogyan, 2005). Российские официальные лица хотели бы обратить этот тренд и восстановить роль рубля. В случае удачи это позволит России установить в регионе экономическое и политическое господство, на которое, по мнению россиян, без всякого на то основания покушается США. Кроме того, европейские и североамериканские лидеры опасаются, что российское правительство сможет использовать свои значительные резервы для покупки ключевых активов в западных энергетических и технологических компаниях или для спекуляции на западных рынках акций (Binyon, 2007).

В более широком масштабе высшие российские государственные деятели постоянно призывают к переходу на евро или рубли при установке цен на энергоносители и продвигают инициативу по превращению рубля в международную резервную валюту. Дальнейшая акцентация на этих радикальных предложениях, особенно в сочетании с публично провозглашаемым уменьшением долларовой составляющей валютных резервов, может использоваться как политическое орудие для влияния на политику США и «наказания» Соединенных Штатов за их действия. В отличие от западноевропейских государств, Россия не имеет серьезных интересов в области политики, безопасности и идентичности, таких, чтобы поддерживать американскую экономику. Более того, российские политики могут ожидать меньше негативных последствий от противостояния с долларом, чем власти других стран, являющихся крупными держателями долларов. В отличие от Китая и Японии, торговля России с США минимальна. Кроме того, в отличие от многих стран Ближнего Востока, российская валюта официально не привязана к доллару. Американские политики не должны недооце-

- Interfax (2008) «Russia: Nashi Youth Movement Holds Rally Against US Dollar in Moscow», *Interfax*, 10 October.
- Itar-Tass (2008) «Putin Amends Laws to Require Prices to be Expressed in Roubles», *Itar-Tass*, 1 April.
- Kirshner, J. (2000) *Currency and Coercion*, Princeton: Princeton University Press.
- Kirshner, J. (2000) «The Inescapable Politics of Money», in J. Kirshner (ed.) *Monetary Orders: Ambiguous Economics, Ubiquitous Politics*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kirshner, J. (2008) «Dollar primacy and American power: What's at stake?», *Review of International Political Economy*, 15 (2): 288–308.
- Lemon, A. (2008) «„Your Eyes are Green like Dollars“ Counterfeit Cash, National Substance, and Currency Apartheid in Russia's Russia», *Cultural Anthropology*, 23 (2): 28–50.
- Mankiw, G. (2008) «Let's Pass the Buck to Russia», *Fortune*, 11 November, p. 100.
- Ohnsorge, F. and Oomes, N. (2008) «The Case of the Missing Inflation: De-Dollarization in Russia», *International Monetary Fund*.
- Oomes, N. (2008) «Network Externalities and Dollarization Hysteresis: The Case of Russia», *IMF Working Paper*, 08/10, Washington, DC: IMF Research Department.
- Oomes, N. and Ohnsorge, F. (2008) «Money Demand and Inflation in Dollarized Economies: The Case of Russia», *Journal of Comparative Economics*, 34 (2): 288–308.
- Reuters (2008) «Russian Minister Loses Composure over „Not Roubles“», *Reuters*, 10 July.
- RIA Novosti (2008a) «10% of Russians Back Ban on Citing Prices in Dollars — Pollster», *RIA Novosti*, 10 June.
- RIA Novosti (2008b) «RTS Launches Ruble-Contracts in Oil, Oil Products and Gold», *RIA Novosti*, 10 June.
- RIA Novosti (2008c) «Putin Pushes for Convertible Ruble, Innovation Economy», *RIA Novosti*, 10 May.
- Shinkevich, A. and Oomes, N. (2008) *Dollarization Hysteresis in Russia*. EERC Research Network, Russia and CIS Working Paper 08/01, <http://ideas.repec.org/p/eer/wpalle/08-0001e.html> (accessed 10 September 2008).
- Strange, S. (2000) *Sterling and British Policy*, Oxford: Oxford University Press.
- Vedomosti (2008) «Demand for Dollars Hits Record High», *Vedomosti*, 10 February.
- Woodruff, D.M. (2000) *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*, Ithaca: Cornell University Press.
- Zoryan, H. (2008) «The Measurement of Co-circulation of Currencies and Dollarization in the Republic of Armenia», *The European Journal of Comparative Economics*, 23 (2): 288–308.